

Réunion : Interview donnée par Sergueï Lavrov, Ministre des affaires étrangères de la Russie à Russia Today sur la situation internationale en rapport avec l'Iran et la Syrie.

Date : Décembre 2013

Durée : 7'17" (111 mots/minute)

Orateur : Sergueï Lavrov, Ministre des affaires étrangères de la Russie.

Difficulté : *

Éléments à fournir :

L'interview se déroule avant la Réunion de « Genève 2 » et porte principalement sur le programme nucléaire iranien et le désarmement chimique de la Syrie.

Maratə	AIEA
--------	------

FOR TRAINING PURPOSES ONLY

Вопрос: Уважаемый Сергей Викторович, спасибо, что нашли время встретиться с нами. Сегодня здесь присутствуют три редакции: испанская; арабская; и английская. И если у коллег нету возражений, я начну первым: и так, 2013 год стал достаточно поворотным для российской дипломатии. Как Вы лично оцениваете договоренности по Сирии и по Ирану и каковы перспективы конференции «Женева-2»?

С.В.Лавров: Договоренности хорошие, полезные, и я думаю, что этот успех был обеспечен коллективными усилиями, лишний раз доказал, что только сообща, когда мы по-честному, на основе баланса интересов, на основе международного права, реализуем какие-то инициативы, они могут быть достижимы.

Я не стал бы назвать этот год прорывным если говорить о Сирии и об Иране. Во-первых, то, что произошло – имею в виду договоренности об уничтожении химического оружия сирийского, договоренности о созыве «Женевы-2», первоначальные договоренности о том, что нужно делать, чтобы двигаться к урегулированию иранской ядерной программы (ИЯП) – это результат многолетних усилий. По крайней мере в том, что касается Сирии – почти трехлетних усилий, которые наша страна предпринимала, отстаивая международное право. И то что произошло по иранской ядерной программе, тоже, даже больше, чем три года, мы добивались двух вещей: во-первых: договориться всем участникам этих переговоров, что их конечной целью является разрешение ситуации таким образом, чтобы признать право Ирана на мирную ядерную программу, включая обогащение урана для целей производства топлива для атомных электростанций, при снятии всех вопросов и всех сомнений в отношении того, что у этой ядерной программы может быть военное измерение, при постановке этой мирной ядерной программы под полный контроль МАГАТЭ, и в целом таким образом

действуя, чтобы обеспечивать безопасность в регионе, безопасность всех стран, которые здесь расположены, включая Израиль.

Но наши западные партнеры очень долго не могли прийти к такой констатации. Констатация, по-моему, справедлива, она всеобъемлющая, она учитывает интересы и мирового сообщества, и западных стран, и стран региона, и интересы Ирана, и интересы режима нераспространения ядерного оружия. И вот удалось, на... буквально на последнем витке уходящего года такую договоренность согласовать – она есть.

И второй момент, который мы тоже многие годы отстаивали: о том, чтобы выработать своего рода «дорожную карту» (сейчас это слово – это выражение стало модным), потому что за один раз, вот одним хлопком, урегулирования не достичь. И мы предложили двигаться на основе принципов взаимности и поэтапности - то есть: Иран делает шаг навстречу тем требованиям, которые сформулировало МАГАТЭ, и которые поддержал Совет Безопасности. И международное сообщество в ответ делает шаг по ослаблению режима санкций. И так до того момента, когда Иран полностью удовлетворит все наши требования и, соответственно, полностью будут сняты все санкции.

Вот эти две вещи – первая концептуальная цель переговоров, так называемая конечная игра («end game»), и второй метод переговоров – мы продвигали несколько лет, а также как и отстаивали необходимость политического урегулирования вокруг Сирии. Поэтому если это и был прорыв, то он был обеспечен вот многолетней работой и терпением Российской Федерации, потому что мы объявлялись, в начале «арабской весны» на «неправильном конце истории», говорили, что мы потеряли «арабскую улицу», потеряли Ближний Восток. К огромному сожалению, наши

западные партнеры в тот период - и это партнеры из региона, кстати – в тот период руководствовались не интересами нахождения таких решений, которые помогли бы стабилизировать ситуацию и помогли бы народам этого региона реализовать свое право на лучшую жизнь, а руководствовались, ну, методами информационной войны по большому счету. Поэтому я констатирую то, что было, в те годы, и в начале этого года ещё это происходило, признаю, признаю очень мудрые и важные решения, которые были приняты в конечном итоге нашими западными партнерами. Так что, прорыв был результатом подготовительной работы.

Но вторая оговорка по поводу термина «прорыв», она касается будущего, потому что решения, которые были приняты по Сирии и по Ирану, они далеко ещё пока не реализованы. Ну, что касается химического разоружения Сирии, там процесс идёт, как и договаривались, с некоторыми уточнениями сроков промежуточных этапов, но не по каким-то субъективным обстоятельствам, а по объективным причинам, и я уверен, что конечная цель – 30 июня как дата завершения операции по уничтожению всего сирийского химического арсенала – будет выдержана. Но что касается «Женевы 2» многое ещё предстоит сделать. Это далеко не гарантированное мероприятие, с точки зрения успеха (могу об этом потом поподробнее сказать, наверняка будет вас это интересовать).

И что касается Иранская ядерная программа, конечно же согласована лишь первая фаза. Достаточно подробно, сейчас технические эксперты уже расписывают – совсем конкретно – те шаги, которые будет делать Иран, и которые будут делаться мировым сообществом навстречу Ирану. Но впереди - вторая фаза, которая должна проложить такую же четкую программу встречных шагов до того... до той самой точки в урегулировании, которую можно будет назвать окончательной. Так что мы на промежуточном

этапе. Сделано немало, но каких-то поводов провозглашать победу пока, пока я не вижу. Впереди очень напряженная работа, поэтому лучше не играть победный марш, а всё-таки думать о том, как довести до конца это очень важное дело, и на том, и на другом направлениях.

Вопрос: Сергей Викторович, если остаёмся всё-таки в сирийской проблематике, и в целом, что происходит сейчас во многих странах, где произошла революция «арабской весны». Вот конкретно, вот баланс между демократией... /(fin de l'enregistrement)/

FOR TRAINING PURPOSES ONLY